

«Мы удивительный народ
В толпе людской реки,
И пишем мы наоборот,
И живы вопреки».

Фото Александра КАРЗАНОВА («Литературная газета»)

ОКАЗАЛОСЬ проще долететь из Москвы в Тель-Авив, чем встретиться в Иерусалиме с Игорем Губерманом. Допускаю, в обычные дни интервью с израильским Абрамом Хайямом не проблема, но только не в субботу. Для верующего еврея этот день свят. Особенно в Иерусалиме, на сорок процентов состоящем из иудеев-ортодоксов. Попробуй добраться из одного района города в другой, если общественный транспорт не работает и даже такси не съездишь. Пришлось Игорю Мироновичу нарушать шабад, садиться за руль «Шкоды» и ехать за мной в гостиницу.

- Чувствую себя, Игорь Миронович, преступником. Посягнул на субботу.
- Перестаньте! Мы с женой шабад не соблюдаем. Я даже свинину ем.
- Но ее ведь запрещено продавать.
- Места знать надо: у нас полно русских магазинов, в которых торгуют всем - и кошерным, и нет. Правда, свинина в Израиле похуже, чем в России или на Украине. И намного хуже, чем в Германии. Все-таки свинья должна есть свою, свинскую, пищу - помои и все такое прочее. У нас же свиней апельсинами кормят. Вкус у мяса не тот, поэтому всегда пружу из-за границы полный портфель свинины.
- А еще что везете?
- Из России - картину. Обязательно покупаю в Москве какой-нибудь примитив. Слава таможенникам - пропускают через кордон. Художественной ценности в этих картинах нет, но я их люблю.
- Не делаете выводов из прошлого! Однажды за подобное вы ведь уже погорели. Те пять икон, стоявших вам, Игорь

Миронович, пяти лет жизни, в итоге нашлись?

- Нет, они ведь не существовали, и это дало возможность Советской власти осудить меня не только за скупку, но и за сбыт краденого. Поэтому я поллагерному - барыга. Очень, к слову, неуважаемая профессия у зеков.

- Когда эмигрировали, вам дали коллекцию вывезти?

- Ее конфисковали. Помню, следовательница сказала замечательно симпатичную фразу: «Ваша коллекция очень понравилась директору нашего музея. Поэтому мы ее изымаем».

- Какого музея? КГБ, что ли?

- Нет. В городе Дмитрове. Следовательница ко мне хорошо относилась, что, впрочем, не мешало ей быть дико свирепой и бдительной.

- Хоть после освобождения вы были в Дмитрове, в этом музее?

- Не думаю, что коллекция там. Все ведь происходило во время Московской Олимпиады, тогда контейнерами продавали конфискованное.
- У вас имелось что-то ценное?
- Я же одиннадцать лет собирал - замечательные деревянные скульптуры, иконы древние, живопись...

- А что это за штуковина на стене висит?

- Не штуковина, а... хер моржовый. Мне товарищ привез его в ссылку с Камчатки. Помню, у меня тогда состоялся замечательный диалог с женой. Я все переживал, разрешат ли вывезти этот хер за границу. Тата сказала: «Ты сначала свой вывези...».

В итоге я вывез и этот, и тот, а первой коллекцией пришлось пожертвовать. Мне друзья в России советуют

ИГОРЬ ГУБЕРМАН, ПРЕЗРЕВШИЙ ШАБАД

Известный поэт, матерщинник, автор знаменитых «гариков», десять лет назад эмигрировал в Израиль, но российских привычек не забыл

подать на пересмотр дела, может, что-то удастся найти. Но я не верю. Ничего, новую коллекцию собрал. Видите? На стенах свободного места не осталось.

Это же болезнь. Все коллекционеры - сумасшедшие люди. Известен случай, когда один убил другого за марку, обычную почтовую марку, только редкую. К суду убийца апеллировал так: «Вы должны меня понять. Я не мог жить без этой марки, а хозяин отказался ее продать».

- А вам слабо за картину порешить кого-то?

- По всплеску эмоций мог бы. Но одно дело - всплеск, а другое - реализация. Я много общался с убийцами, поэтому хорошо это знаю. Каждый в жизни испытывает подобное - слепой накал озлобления, белой ярости. Различие в том, что один отпускает эмоции, а другой сдерживается.

И потом: убийство - это же работа. Надо напрягаться, а я лентяй неимоверный. Поэтому, кстати, до сих пор и иврит не выучил.

- Как же вы живете?

- Нас, русскоязычных, тут много. Есть местный анекдот: когда один израильтянин признается, что не понимает по-русски, его недоуменно спрашивают: «Сколько лет ты в стране?».

- Насколько верен ваш афоризм о евреех разных национальностей?

- На все сто! Немецкие евреи - абсолютные немцы, а мы - чистые россияне. Мы даже общаемся очень по-русски: собираемся и бухаем. Помногу. Это мы привезли сюда обыкновение хлестать спиртное. Здесь никто из евреев не пьет - ни немцы, ни испанцы, ни французы или йеменцы какие-нибудь. Только мы - россияне.

- Так абorigine и не научились?

- Им это не нужно. К примеру, за огромным столом собирается толпа сабров, коренных израильтян. Вечер просят, а на столе - едва початая бутылка сухого вина. Поют, шумят, будто уже захмелели. А мы - по-другому.

- А что употребляем? Водочку?

- Все, что горит: водку, виски, джин, бренди.

- Самогон гнать еще не научились?

- Здесь ни разу не пил. Смысла нет - водка дешевая.

- Хотя бы ради ностальгии: глоток чего-то родного, с душком.

- Сегодня ностальгия - придуманное чувство. Та знаменитая русская нос-

тальгия связана с эмиграцией, которая уезжала из другой России. Да, они то-сковали, покидая Родину. А сегодня с какой стати вздыхать? Соскучился - бери билет и лети, сопли размазывай.

- Вы на земле обетованной, наверное, уже лет десять?

- Чуть больше. Мы приехали 24 марта 88-го года.

- Как-то отмечали юбилей?

- Обязательно. Это хорошая дата. У нас в семье есть несколько нестандартных праздников. Например, день посадки, он же день выпуска - 13 августа.

- Так совпало?

- Отрубил от звонка до звонка. Пять лет...

Наверное, мог уехать раньше из Союза, но от меня потребовали заложить друга, главного редактора журнала «Евреи в СССР». Я не только этого не сделал, но и отказался давать подписку о неразглашении. Тогда мне прямо сказали, что посадят: власти не могли допустить, чтобы их открыто посылали на три буквы и оставались безнаказанными. Ждал, что дадут двенадцать лет.

От меня ведь вывезли чудовишный контейнер самиздата и тамиздата - сотни томов. Следователь открыто сказал, что специально не будет совмещать два дела, чтобы больший срок не поглотил меньший. Мол, сначала я отсижу пять лет за скупку краденого, а потом получу еще семь - за хранение запрещенной литературы.

- А что же вы все это добро дома держали?

- Я был беспечный и глупый человек, дал следствию повод для замечательной сексуальной формулировки: «Дело на вас, Губерман, мы завели, но пока не возбудили». Вот я сидел и ждал, когда возбудят. К счастью, подпал под амнистию.

Так что о пяти лагерных годах не жалею. У меня главный критерий в жизни - интерес, а в зоне и особенно - в ссылке было жутко любопытно. Господь подарил мне замечательное путешествие. Я об этом в книге «Прогулки вокруг барака» подробно написал. Мой жизненный опыт тогда значительно обогатился, я познакомился с убийцами, рецидивистами.

Антисемитизма, кстати, в зоне нет.

- Может, и правда, все люди евреи, но не каждый решается в этом признаться?

- Не хотелось бы впадать в узкоглазие старой еврейской энциклопедии, все мировые события издававшей под

определенным углом: например, запомнил первую фразу главы о Лондоне: «Город был основан в 1066 году, когда Вильгельм-завоеватель привез туда несколько десятков еврейских семей».

Знаете, в Израиле вдруг понял, что при ближайшем рассмотрении евреи не такие, какими их представляют по российской жизни. Нас жизнь в СССР представляла быть умными, хитрыми, со сметкой, тут же выяснилось, что среди евреев огромное количество дураков. Я из-за этого порой впадал в растерянность.

- Говорят же, что в любом народе доля умных и козлов примерно одинакова.

- Не знаю. В Израиле дикое число идиотов! Как говорил Остап Бендер, это медицинский факт. Отто Венингер, еврей-антисемит (у нас такое часто случается!), написал книгу «Пол и характер», в которой на фактах доказал, что евреи гораздо более других народов разбросаны по оси «нормальный - сумасшедший», «гений - дебил». У нас середнячков поменьше. В этом смысле во мне живет прочная националистическая гордость.

Кстати, на эту тему я написал много «гариков».

- А вы пробовали их подсчитывать?

- Думаю, тысячи четыре с половиной.

На разные темы.

Некоторые сочинены в «соавторстве» - с Некрасовым, Тютчевым, прочими классиками.

- Я и у современников ворую. Умыкаю мысль, в свой стихок зарифмуешь, и - здорово.

- А если заметят?

- Всегда отвечаю: крадите у меня, сколько хотите.

- Некоторые так и делают. Ваши «гарики» породили целый жанр: повсеместно расплодился всякие «юрики», «вовики», «марики»...

- Это ужасно! Одна баба по имени Ирина выпустила толстенный том «ириков». Все вдруг решили, что срифмовать четыре строчки и дурак сумеет.

- Говорят, вы начинали литературным рабом?

- Да, был «негром» у достаточно известных писателей, сочинял за них целые романы. Между прочим, это хорошая школа, руку набил - будь здоров. Зато сейчас живу исключительно литературным трудом. Правда, периодически приходится на концертах стихи забывать. Вы на моих выступлениях не были? Много потеряли, батенька! Я прекрасный артист и, как всякий гений, по утрам не сажусь пить кофе, пока Тата не скажет, что я жутко талантлив.

- Еще бы не талант! Слышал, однажды на вашем выступлении дамочка так хохотала, что уписалась.

- Сегодня приятно этим похвастаться,

а тогда все выглядело неловко: зловонная бабища, перебив меня на полуслове, галопом пронеслась в туалет, а потом с топотом прошествовала обратно в зал...

- Концерты в России - необходимость или радость?

- Если говорить серьезно, не получаю удовольствия от сцены, нет во мне ни куража актерского, ни тщеславия, однако в Россию еду с удовольствием - во многом из-за друзей, но и не только. Как ни крути, у меня две родины. Глупо говорить высокие слова о патриотизме, их обосрала комсомольская пропаганда, но Россию я люблю. Правда, в последнее время стал ловить себя на том, что говорю как-то отстраненно - «там, у них». Но это не значит, что мне неинтересно следить за происходящим у вас. Каждую весну приезжаю в Москву, много катаюсь по стране. Настроение у людей меняется. Раньше было много записок о Жириновском, сейчас больше спрашивают о Лебеде. Я отвечаю, что первого считаю полувредем-полуфашистом, а второго не боюсь, потому что от него... хорошо пахнет. Ведь от большинства политиков смердит.

Обычно концерты заканчиваются пьянками с участием «новых русских».

Я никогда не отказываюсь, мне любо-

«Гарики» из «Третьего иерусалимского дневника»

Все, конечно, мы братья по разуму. Только очень какому-то разуму.

☆☆☆
Густы в России перемены. Но чуда нет еще покуда: Растут у многих партий члены, А с головами очень худо.

☆☆☆
Русское грядущее прекрасно. Путь России тяжек, но высок: Мы в говне варились не напрасно, Жалко, что впитали этот сок.

☆☆☆
Когда бы мой еврейский Бог Был чуть ко мне добрей, Он так легко устроить мог, Чтоб не был я еврей!

☆☆☆
Россия ко всему, что в ней содеется, И в будущем бесечно отнесется; Так дева, забеременев, надеется, Что все само собою рассосется.

☆☆☆
Все споры вспыхнули опять И вновь текут, кипа напрасно: Умом Россию не понять, А чем понять - опять не ясно.

☆☆☆
Российской власти цвет и зная Так на свободе воскипели, Что стали с пылом продавать Все, что евреи не успели.

пытно общаться с этими людьми. Они очень неоднородны. Думаю, будут среди них и новые меценаты. К примеру, знакомый бизнесмен спонсировал все-российский конкурс фортепианных дуэтов. Полагаю, он понятия не имеет, что это за дуэты такие, но деньги дал. В конце концов Шуккин не любил Пикассо, но покупал его картины для России.

- Когда приезжаете в Москву, телевизор смотрите?

- Боевики. Мне нравится, когда в кино дерутся.

- Вам этого было мало в жизни?

- В детстве меня чудовишно били. Сначала за то, что у родителей была дача, потом, чтобы не ухаживал за девушками на танцплощадке...

Из-за нелюбви к дракам позже я имел серьезные неприятности в лагере - не бил, когда надо, и не пользовался педерастами. Правда, меня достаточно уважали и не трогали.

- Позже встречались с сокамерниками-солагерниками?

- Два года назад впервые хотел приехать в Красноярск, но городские власти отменили концерт. Прямо так и заявили моему импресарио: «Мы тут повеселились: выступление Губермана признано нецелесообразным». Язык эпохи застой!

Спустя год я на Енисей, правда, все же попал, но в Красноярск-26 меня подлым, гололопым образом не пустили: как бы по ошибке выдали пропуск не на тот день... Жаль! Хотел найти нашего лагерного врача. Он был вольнонаемным, работал в зоне хирургом и сумел вынести на волю рукописи моей книги. Боюсь, этот человек уже спился, как многие в России.

- А вам алкоголизм не угрожал?

- Всегда пил - тому свидетели жена, друзья и Бог, но я не алкаш, а бытовое пьяница. Люблю рюмочку пропустить на закате...

Все делаю только в охотку. Например, могу неделями из дома не выходить - валяюсь на диване, сплю, читаю, пишу.

- Дети живут с вами?

- Нет, самостоятельно. Вот о ком можно сказать: настоящие израильтяне. Абсолютно адаптировались здесь - язык, образ мыслей, любовь к стране.

- Кстати, о языке. Вы за словом в карман не лезете. И при детях выражались?

- Конечно. Мат - часть русского языка. В принципе дети могли послать меня по известному адресу, но не делали этого из любви и уважения.

- А если бы слово слетело?

- Нормально, никаких репрессий. Мы вообще никогда детей не наказывали. Единственный раз отшлепали Мильку, когда ему было пять лет, так сын через два десятилетия вспоминает,

каким гонениям подвергался.

Ничего, здоровый парень вырос в армии отслужил.

- Во время войны в Заливе вам было страшно?

- Пожалуй, нет. Все выглядело как-то водевильно. Я надевал противогаз, поверх него цеплял очки и брал в руки книжку. Не удивился, когда после войны вдруг выяснилось, что половина противогазов - брак. Израиль - чудовищно безалаберная страна. Ни немецкой или американской деловитости, только восточная базарность. В этом есть определенный колорит - для туристов, но не для жителей. Где вы еще найдете страну, в которой в день национального праздника сжигался бы государственный флаг? А у нас есть группа ортодоксов, делающая это регулярно.

- С целью?

- Выражают протест. Они ждут мессии, до прихода которого евреи должны жить рассеянными по миру... К сожалению, влияние ортодоксов на общество возрастает. Не говорю о том, что в субботу закрыты магазины, лавочки, кинотеатры и прочие светские заведения, но теперь я уже не могу проехать по улице, которой пользуюсь в будни. По требованию хасидов движение в отдельных районах города запрещено: истинно верующие не должны видеть, как кто-то в шабад ездит, а значит, работает. Если же я сунусь в этот район, могут и камнями закидать - евреи еврея! Неприятно... Доходит до маразма - на полном серьезе обсуждается: можно ли в субботу подтирать задницу в сортире или это уже работа? Решено, что отрывать туалетную бумагу нельзя, допустимо пользоваться только отрезанной.

- Может, к арабам переметнуться?

- Шутите? Стараясь избежать контактов с их миром. Ночью в арабский район, который находится в двух шагах от моего дома, не пойду. Да и днем тоже. Могут убить. Это столкновение двух цивилизаций. Оно, увы, навсегда.

- Убিরались бы от греха подальше.

- Поздно, батенька. Мой дом здесь. А в Россию я приеду. Вот только вторую часть «Пожилых записок» закончу.

Иерусалим - Москва.

Автор благодарит лучших израильских писателей Мшу Либмана и Элу Штейнберг, без чьей помощи это интервью не состоялось бы.